

Миркурбанов Игорь
(Актёр)

02.08.06.

ИГОРЬ МИРКУРБАНОВ:

Культура. - 2006. - 27 июля - 2 авг. - с. 9.

Говорить на родном языке тоже счастье

Картина Андрея Эшпая
"Многоotchия" по повести
Виктора Некрасова "Кира
Георгиевна" будет участвовать
в конкурсах Международного
кинофестиваля в Локарно,
а потом "Окна в Европу"
в Выборге. Одну из главных ролей
в ней сыграл
Игорь МИРКУРБАНОВ.

Выпускник ГИТИСа Игорь Миркурбанов окончил актерско-режиссерскую мастерскую Андрея Гончарова и Марка Захарова. Работал в Театре имени Маяковского. В 1992 году уехал в Израиль вместе с группой сокурсников. Вступил в труппу израильского Театра "Гешер", на сцене которого играл главные роли. Снимался в израильских фильмах. 2006 год ознаменован для Миркурбанова возвращением в российский кинематограф (в начале 90-х он участвовал в нескольких незначительных картинах), совсем недавно он снялся в фильмах "Антидурь", "Вдох-выдох".

— Игорь, вы начали сниматься на пороге 80 — 90-х годов прошлого века. Что осталось в памяти от тех лет?

— Тогда мог с фильмом запуститься кто угодно — были бы деньги. Такие господа приглашали меня. Проходили две-три съемки, и все благополучно на этом заканчивалось.

Нечто чудовищное происходило и в театре. Однажды в ресторане, когда меня представили милой, обаятельной женщине, я постеснялся назвать свою профессию. До такой степени были унижены тогда актеры. В фаворе были люди, которые делали "левые" деньги. Во мне пробуждался активный протест, ответная реакция, которой я сам начинал бояться.

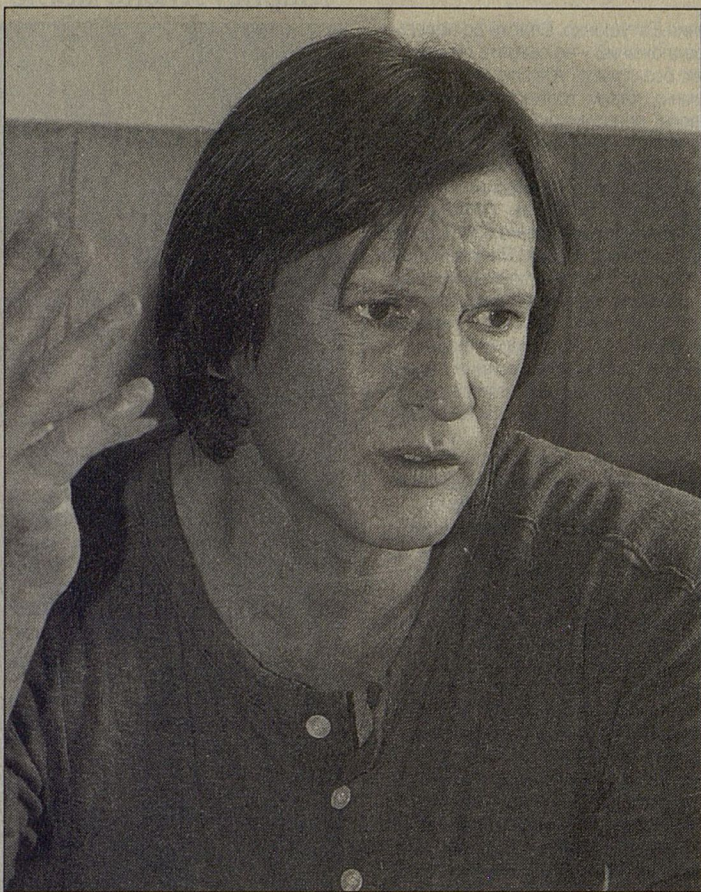
— Хотите сказать, что все это подтолкнуло вас к отъезду из страны?

— Да, но при этом мне не хотелось уходить из профессии. Шел к ней очень непросто. До ГИТИСа я получил диплом дирижера симфонического оркестра. Была учеба в разных технических вузах, правда, везде она длилась недолго: Институт нефтегазовой промышленности, Томский политехнический институт, МИФИ...

Успел побывать студентом Кемеровского института культуры. Там я познакомился с ныне популярным артистом Андреем Паниным. О московской театральной жизни мы тогда знали очень немного. Но однажды к нам приехали москвичи — посмотрели наш курсовой спектакль. Среди них был Иосиф Райхельгауз. Посланцы столицы сказали нам с Андреем: "Вам, ребята, надо ехать учиться в Москву". Мы этому совету внимали. Вскоре явился в Первопрестольную в алясках, с сумками, набитыми кроссовками.

— А кроссовки зачем?

— На продажу: жить-то надо было на что-то. Прямо с вокзала отправилась торговля. Акция прошла успешно, мы закупили успех плавлеными сырками, поверив в счастливое будущее. Вскоре поехали к приглашавшему нас Райхельгаузу. Двери открыла его жена, актриса Марина Хазова — домашняя такая, в халатике. Увидела двух мужиков в алясках, с сумками, отпрянула в глубь квартиры, успев спросить: "Вы к кому?" Отвечаем: "К Иосифу". Она отступила еще дальше и позвала: "Иосиф, за тобой при-

И. Миркурбанов

шли..." Замечаете: не "к тебе", а "за тобой"!

Райхельгауз, естественно, уже успел забыть о своем приглашении, но быстро вспомнил, все встало на свои места, и тем же вечером мы смотрели в Современнике прекрасный спектакль "Три сестры", в котором Марина Хазова чудесно играла Ирину.

Я решил поступать в ГИТИС. Но было поздно — шел третий тур. Все же меня допустили на него. Смотрели меня Александр Фатюшин и Евгений Каменькович. У меня не было стандартной программы, которую положено показывать на экзамене, — ни танца, ни басни, ни песни. Я решил читать прозу Достоевского, в то время очень им увлекался. Андрей Александрович Гончаров послушал и захватил руками: "Все, все. Хватит!" Взял в свою мастерскую, позже в свой театр.

На нашем курсе среди прочих был дипломный спектакль "Гильденстерн и Розенкранц мертвы". Ставил его Евгений Арье. Я там играл Актера. Потом спектакль перешел на сцену Театра имени Маяковского. Но вскоре Арье и часть моего курса уехали в Израиль. Я еще оставался в Москве. Арье позвонил мне и сказал: "Если ты приедешь играть Рогожина в "Идиота", буду ставить этот спектакль". Я недолго думал и решился на отъезд. С моей стороны это не было таким уж риском: я мог вернуться.

— В Израиле вам надо было играть на чужом, до этого совершенно неизвестном языке — иврите, как говорят, очень трудном для освоения?

— Представьте, для меня это оказалось не так уж сложно. Во-первых, мне помогли очень талантливые педагоги. Во-вторых, любой язык я прежде всего воспринимаю как музыку. В общем, мне не потребовалось титанических усилий, бессонных ночей. Через полтора месяца пребывания

в Израиле я сыграл Актера в "Гильденстерне и Розенкранце". После моего дебюта израильские газеты писали, что я совершил подвиг. Приехал-де русский артист, не знавший ни слова на иврите, и почти сразу вышел на сцену.

— Вы работали как актер и режиссер на израильском телевидении?

— Да, но не так много. Видите ли, "Гешер" — театр, закрытый по способу своего существования. Я бы сравнил его с Петербургским Малым драматическим театром Льва Додина. С его замкнутостью на себе, абсолютной преданностью его актеров, отдающих себя целиком театру. Именно своему театру... Что на самом деле прекрасно, но по-своему и страшно. Последнее я осознал с годами.

Театр отбирает у актера живую жизнь. Почти ничего не оставляя для иных желаний и целей. По большому счету ты существуешь только в этой иллюзорной, театральной реальности. Потом, когда человек в сорок — шестьдесят лет выныривает из нее, он может вдруг с ужасом понять, что реальная жизнь прошла мимо.

В том же Малом драматическом театре работают замечательные актеры, которых знает только очень узкий круг коллег и театралов.

— Вы видите в этом драму артиста?

— Конечно, нет. Но есть еще кино, телевидение, и это сегодня неременные составляющие нашей профессии. А закрытый театр лишает возможности сниматься на ТВ, в кино.

В Тель-Авиве я преподавал в университете и там откровенно сказал своим студентам: "Как только в театре вам говорят, что сцена — ваш дом, ваше все, бегите... Сцена — это ваша работа, не более того. Театр не волнует ваши личные проблемы, ваши беды, волнения, боль. Знаю по опыту. А у нас столько проблем и боли за сте-

нами театра! От них не уйти. И порой нет сил решать — все отнять театром!"

— Поэтому вы играете только отдельные спектакли в "Гешере"?

— Иначе бы я не смог сниматься в кино в России, например.

Мне грех жаловаться на репертуар. Из-за этого я, собственно, и остался в Израиле. После "Идиота" мы ставили совместно с Авиноньским театральным фестивалем спектакль "Адам, сын собаки". Специально для него в Южной Африке построили передвижной цирк, что стоило массу денег. Мы объехали с "Адамом" почти весь земной шар. Сейчас я делаю документальный фильм об Евгении Арье к его юбилею. В своем интервью он вспоминает, как после двухмесячных гастролей в Германии немецкий продюсер был готов продлить их еще на два месяца.

Играл на сцене "Гешера" Тартюфа, Беню Крика, я плотно занят. Настолько, что не удалось поработать со Спилбергом. Мне предложили роль в "Списке Шиндлера", но в это время мы были на гастролях в Германии, и я не мог оставить театр. Зато снялся у известного израильского режиссера Амоса Литая в картине "Кедма", которая была показана на Каннском кинофестивале.

— Вы долго не были на Родине. Что больше всего поразило вас по возвращении?

— Поразили глаза людей. И новое поколение, которое пришло в жизнь. Оно другое, нежели мы, воспитанные советской властью. В нем нет знакомого мне советского вируса. К счастью, он уходит.

Первые годы жизни за рубежом при встрече с человеком я сразу мог определить своего бывшего соотечественника, причем еще до того, как он открывал рот. А сейчас уже не то — молодые люди свободно вписываются в западные структуры.

— А чего им все же еще не хватает?

— Доброжелательности. Приведу пример. Тель-Авив. Жаркое лето. Стою на уличном переходе. Выезжает на дорогу пассажирский автобус. И вдруг на него, на красный свет идет человек. Водитель автобуса успевает затормозить. Смотрит в открытое окно на безумного пешехода. Я думаю — вот сейчас как выдаст ему! Ничего подобного! Водитель протягивает пешеходу жвачку, ждет, пока тот перейдет улицу, и едет дальше.

Люди за рубежом доброжелательнее, они более открыты, радушны.

— Вы вернулись в наше кино в 2006 году, когда режиссер Андрей Эшпай пригласил вас на пробы в картине "Многоotchия", экранизацию повести Виктора Некрасова "Кира Георгиевна"?

— Когда он мне позвонил в Тель-Авив, у меня, к счастью, уже была виза в Россию и билет на самолет в Москву: меня вызывала группа фильма "Антидурь", который выйдет на экран в августе этого года.

После беседы с Эшпаем я прочел повесть Некрасова. Мне прислали сценарий, который меня увлек, как и образ моего героя Вадима. В Москве после встречи с режиссером и репетиций с моей партнершей Евгенией Симоновой я был утверждён на роль. Все решилось очень быстро.

— Вадим — жертва сталинских репрессий 30-х годов. Было ли что-то подобное с вашими родными?

— Семью мамы выслали сначала из Москвы в область, потом из области на Дальний Восток. Разумеется, без

всякой их вины, как это было с миллионами советских граждан. Деда с отцовской стороны точно так же отправили в тюрьму... Оттуда он ушел на фронт в штрафбат. Дослужился до капитана Гвардейской танковой дивизии. Недавно я с гордостью прочел о своем деде в Интернете воспоминания одного из его бойцов.

— Характер Вадима серьезно изменен в сценарии. У Некрасова он — сильный, волевой человек, которого не сломали лагерь, поселение, все пережитое за двадцать с лишним лет до встречи с его бывшей женой Кирой. Я видел предварительный вариант картины "Многоotchия", там еще более усилены акценты: Вадим сломлен, раздавлен системой, отобравшей у него, по сути, жизнь. Он оказался, на мой взгляд, самой трагической фигурой в фильме Эшпая.

— Меня вел по этому пути режиссер, за что я ему очень благодарен. Андрей пошел, позволю себе сказать, дальше литературного оригинала. Вадим в картине понимает то, о чем вы сказали: у него украдена жизнь. Забрали его, двадцатилетнего, красивого, талантливого поэта, любящего свою юную жену. После тюрьмы, лагеря, поселения, после всего там пережитого ничего не осталось. Есть гражданская жена, есть сын... Но он ведь по-прежнему любит Кире, и она его любит. А в реку эту нельзя вернуться.

— В роль Вадима органично вошел монолг Вершинина из "Трех сестер", по-моему, сыгранный вами блестяще. Поначалу вообще кажется, что это текст роли Вадима — сбивного навсегда с ног. И грезящего о счастье через тысячу лет: он был рожден поэтом.

— Этот монолг возник прямо на съемочной площадке, когда Андрей узнал, что я играл в театре Вершинина. Я встречал в жизни, в Сибири, где родился, таких людей, знал их. Вадим виделся мне даже метафорически: я вспомнил фрагмент из прозы Венечки Ерофеева. В Лобне, у вокзала, поездом зарезало человека. Нижнюю половину разбросало по железнодорожному полотну, а верхняя осталась словно бы живой и стояла, как стоят бобы на постаменте... Я думал, как сыграть половину человека, которого перерезало поездом? Поначалу просто не знал, что делать с руками, ногами, головой? Однажды даже стал бить себя по рукам! Искал пластический рисунок роли... Очень много в этом значили тонкая режиссура Эшпая и общение с Евгенией Симоновой, играющей Кире. Роль прекрасно легла на ее актерскую индивидуальность. Я смотрел в ее глаза, цепляясь за ее взгляд, как утопающий!

— Вам не пришлось играть вместе с Симоновой на сцене, когда вы работали в Театре имени Маяковского?

— К сожалению, не случилось. Но я и тогда внимательно следил за тем, что она делает. Сейчас, будучи в Москве, посмотрел ее спектакли — фантастическая артистка! Клоунаеса и трагическая актриса, очень смелая и дерзкая в творческом поиске.

— Игорь, а вы сами видели картину?

— Черновой вариант. По-моему, ничего подобного сейчас нет в европейском кино...

— Но Европа такого и не пережила!

— Я говорю высокие слова не потому, что участвовал в этом фильме. Такова была моя первая реакция после просмотра, и позже она укрепилась в сознании. А ведь я вижу много западных фильмов, в том числе хороших.

— На съемочной площадке "Многоotchия" вас заметил ассистент режиссера Ивана Дыховичного и предложил сниматься в картине "Вдох-выдох".

— Мы снимали одну из последних сцен "Многоotchия", когда приехали директор этого фильма и ассистент Дыховичного. Они поначалу собирались снимать в главной роли Андрея Панина, но у него не получалось по срокам. Так я попал к ним в картину. Встретился с режиссером. Он позвонил мне с моей партнершей, актрисой Екатериной Волковой. После чего уже был подробный разговор с Дыховичным. Я благодарен ему за то, что мы обошлись без проб, которые я ненавижу. Честно говоря, вообще избегаю этой унижительной и оскорбительной для актера процедуры. Восемь лет назад вышел после одной из них и сказал себе: "С пробами навсегда заканчиваю. Лучше просто не буду сниматься. Пусть даже потеряю роль". Дыховичный избавил меня от этого.

— Чем был вам интересен герой "Вдоха-выдоха" Михаил?

— Это, конечно, совершенно иной характер и иная судьба, чем у Вадима. Общее — небапопучение.

— В чем оно у этого богатого, удачливого, судя по всему, бизнесмена, молодого и красивого мужчины?

— Несмотря на все это, он одинок, беззащитен перед окружающим злом, оно наступает на него. Он ищет у любимой женщины не то что опоры и защиты, скорее, в общении с ней пытается понять прежде всего самого себя. Но тщетно.

— На ваш взгляд, "Вдох-выдох" фильм о любви?

— Нет. Мне кажется, это попытка понять, что такое отношения двоих людей, мужа и жены, любовника и любовницы, мужчины и женщины. Попытка говорить о банальных истинах, которые, несмотря ни на что, вечны. О зависимости женщины от мужчины, и наоборот. Это вечная связь! О свободе и несвободе от чувства, это практически есть или было в жизни почти каждого из нас. И еще о фантомных болях, которые мы иногда принимаем за любовь. Есть такое понятие "фантомные боли". У человека нет руки или ноги. А она вдруг начинает болеть — она еще твоя. Она еще с тобой. Так и в любви. Женщина не твоя на самом деле, а душа болит как о своем. Это острая болезненная взаимозависимость. И убежать не в силах, и жить вместе невыносимо. Разрушить страшно. Не разрушить нельзя. Замкнутый круг, об этом, я думаю, "Вдох-выдох".

— Продолжите ли вы сниматься в российских фильмах?

— Да вот уже за три-четыре месяца случилось три картины. Пока я снимаю как режиссер два документальных фильма в Израиле. Есть предложения в России, но пока я не буду о них говорить. С огромной благодарностью ощутил возможность, снимаясь, общаться, говорить на родном языке. Это тоже счастье.

Беседу вел
Сергей ПЕШКОВ
Фото Натальи БАНТЛЕ